

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТАХ Н. М. НИКОЛЬСКОГО¹

Н. М. Никольский относится к числу ученых, интересовавшихся достаточно широким кругом проблем. Его научная работа шла «по трем основным направлениям – история религии и церкви, библейская критика, история Древнего Востока, в частности Вавилонии», а также белорусский фольклор [12, с. 258]. И во всем этом многообразии сюжетов нашлось место и для раннехристианской проблематики.

Изучению истории раннего христианства Н. М. Никольский посвятил несколько специальных трудов, опубликованных им в период с конца 1910-х до начала 1930-х гг. Однако интерес к проблеме происхождения христианства у Н. М. Никольского проявился гораздо раньше. После первой русской революции будущий академик приложил немало усилий для популяризации в России достижений немецкой либеральной протестантской мысли. Для этого Н. М. Никольским, во-первых, выполнялись переводы и осуществлялось редактирование трудов В. Вреде, А. Гарнака, Ю. Велльгаузена и других авторов, опубликованных на русском языке в серии «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики» [1 – 3]; а, во-вторых, составлялись обзоры новейшей западной литературы по раннехристианской тематике [10]. Распространение выводов западной, преимущественно немецкой, науки должно было, по мысли Н. М. Никольского, способствовать развитию «критического чутья» у русской образованной публики, получившей возможность разобраться «в трудном вопросе о положении религии и церкви в России», а также стать основой для отечественных критических изысканий в данной области.

Прилагаемые будущим академиком усилия, однако, как мы можем судить из предисловия к его монографии «Иисус и первые христианские общины», так и не привели к сколько-нибудь серьезным результатам, т.к. к 1918 г. русская литература, в его оценках, так и осталась небогатой произведениями о раннем христианстве [7, с. I]. Стремясь заполнить имеющийся «вакуум», Н. М. Никольский приступил к публикации серии работ, в которых изложил результаты своих собственных изысканий в области первохристианской истории. Воспринимая религию по-марксистски как социальное явление, Н. М. Никольский рассматривал в качестве «ключа» к ее пониманию социальную среду, в которой протекало ее формирование и развитие [11, с. 34]. Следуя данной установке, историю происхождения христианства советский историк объяснял социальным кризисом, разразившимся в Римской империи в целом и в Иудее в частности в I в. н.э.,

¹ Публикуется в авторской редакции.

ответом на который стало широкое распространение эсхатологических ожиданий [11, с. 35; 6, с. 105]. Не надеясь что-либо изменить, мелкий люд обратил свои взоры к небу, ожидая скорого прихода божественного спасителя – Мессии – который должен был установить блаженное царство. Претендентом на такой мессианский титул и стал Иисус – народный пророк, плотник из Назарета, выступивший с проповедью близкого царства божия. В том, что Иисус был реальным лицом, Н. М. Никольский нисколько не сомневался, полагая, что дошедшие до нас источники свидетельствуют об эволюции образа Христа от человека к богу. В частности, распространение христианства в языческом мире и столкновение с культурами-соперниками сделало необходимым адаптацию образа Иисуса Христа к вкусам и потребностям верующих, что означало использование церковью идей и представлений восточных мистериальных культов [6, с. 97 – 133]. Однако все это было характерно для христианства II – III вв. Применительно к I в. христиане, по мнению Н. М. Никольского, были лишь иудейской сектой, организованной в общины, придерживающиеся коммунистических порядков или представляющие собой союзы взаимопомощи [7, с. 89-91]. Их идеология носила эсхатологический характер, они жили в ожидании скорого прихода спасителя – Иисуса, который должен будет установить новое царство. В своем первоначальном виде, запечатленном в синоптиках, это грядущее царство для первых христиан было связано с вечным блаженством праведников, которым воздастся во сто крат за страдания в этом мире. Дальнейшие модификации этих чаяний в христианстве были связаны с деятельностью апостола Павла, переработавшего эсхатологию народных масс в ключе книжной мудрости, и отцов Церкви, преобразовавших учение Павла об искуплении и таинствах и втором пришествии Иисуса «в неподвижные, мертвые формулы символа веры» [8, с. 204]. Формирование Церкви, по мнению Н. М. Никольского, сопровождалось не только «снижением градуса» эсхатологических ожиданий, также оно было связано с разрывом с иудаизмом и, как мы отмечали ранее, обогащением новыми элементами, заимствованными из других религий того времени. В результате, из веры иудейских сектантов родилась мировая синкретичная религия, приспособленная к потребностям не только «страждущих и обременённых», но и «сильных мира сего».

Такова концепция возникновения христианства Н. М. Никольского. Выработанная, на наш взгляд, еще до революции путем критической переработки выводов западной науки, дополненной собственными изысканиями автора, она была представлена на суд научной общественности в 1920-е гг. – период поиска марксистского подхода к изучению религиозных феноменов. Учитывая «революционное прошлое» Н. М. Никольского и его научные заслуги в области библейской критики, можно было бы предположить, что именно его идеи станут определяющими для советской науки о раннем христианстве. Однако развернувшаяся в этот же период в СССР атеистическая пропаганда внесла серьезные коррективы в развитие научных исследований. Борьба с религиозными предрассудками, в которую

включился и Н. М. Никольский, используя для «ускорения процесса отмирания религии» научный инструментарий, способствовала распространению в Советской России идей представителей «мифологической школы», с которыми, как мы видели ранее, Н. М. Никольский никак не мог согласиться [6, с. 6]. В целом, разделяя установку на необходимость деконструкции церковной версии новозаветной истории, он отвергал ее сведение к выдумке, настаивая на необходимости отыскания исторического зерна в дошедших до нас преданиях. Задачи его оппонентов были совершенно иными: используя методологию сравнительного религиоведения и новейший этнографический материал, они стремились опровергнуть всякую историческую достоверность сведений, представленных в дошедших до нас христианских памятниках. В свете сказанного не вызывает удивления тот факт, что в начале 1930-х гг. религиоведческие построения Н. М. Никольского подверглись серьезной критике со стороны ведущих советских антирелигиозников, настаивавших на методологической несостоятельности выводов белорусского профессора, придавшего своим построениям только внешнюю «марксообразность» [4, 14]. Еще раньше, в начале 1920-х гг., критические высказывания в адрес Н. М. Никольского прозвучали из уст И.И. Скворцова-Степанова, обвинявшего историка в «абсолютно некритическом отношении к евангелиям, в умиленном пиетете перед ними» и называвшего страницы его труда, посвященные Иисусу, «позорными и позорящими для всякого современного исследователя» [13, с. 235]. Любопытно, что в дальнейшем все обвинения в адрес Н.М. Никольского в отступлении от марксизма были сняты, а В.Ф. Миловидов прямо ссылаясь на то, что работу Н.М. Никольского «Иисус и первые христианские общины» использовал В.И. Ленин при подготовке статьи «О значении воинствующего материализма» [5, с. 9]. Вероятно, не в последнюю очередь под влиянием широкого распространения под видом марксизма идей, утверждение которых было связано с потребностями атеистической пропаганды, Н.М. Никольский с начала 1930-х гг. практически оставил исследования в области раннехристианской истории, сохранив, однако, за собой историю иудаизма и библейскую критику. В области последней в 1938 – 1939 гг. он опубликовал программные статьи, предложившие новые способы марксистского завоевания этих «высот» [9, с. 31].

Список использованных источников и литературы

1. Брикнер М. Страдающий бог в религиях древнего мира / под ред. Н. М. Никольского. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1909.
2. Вреде В. Происхождение книг Нового завета (публичные лекции) / под ред. Н. М. Никольского. М.: Типо-литография Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1908.
3. Из истории раннего христианства / под ред. Н. М. Никольского. М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1907.
4. Искринский М. Рец. на: Никольский Н. М. Еврейские и христианские праздники, их происхождение и история. М., 1931 // Антирелигиозник. 1932. № 5 – 6. С. 57 – 59.

5. Миловидов В. Ф. Предисловие // Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. С. 5 – 15.
6. Никольский Н. М. Еврейские и христианские праздники, их происхождение и история. М.: Безбожник, 1931.
7. Никольский Н.М. Иисус и первые христианские общины. М.: Денница, 1918.
8. Никольский Н. М. Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства // Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. С. 148 – 205.
9. Никольский Н. М. Проблемы критики библии в советской науке // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 30 – 44.
10. Никольский Н. М. Раннее христианство // Критическое обозрение. 1908. Вып. 3. С. 13 – 22.
11. Никольский Н. М. Религия как предмет науки // Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. С. 16 – 37.
12. Сорокалетие научной и общественно-педагогической деятельности академика Н. М. Никольского // Вестник древней истории. 1940. № 3-4. С. 258-259.
13. Степанов И. Рец. на: Никольский Н. М. Древний Израиль // Печать и революция. 1922. Кн. 2. С. 234 – 237.
14. Урсынович С. Рец. на: Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд. М., 1931 // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 47 – 48.